

М. В. ЛОМОНОСОВ

**Слово похвальное блаженныя памяти государю
императору Петру Великому,**

говоренное апреля 26 дня 1755 года

Священнейшее помазание и венчание на Всероссийское государство всемилостивейшия самодержицы наша празднуя¹, слушатели, подобное видим к Ней и к общему Отечеству Божие снисхождение, каковому в ея рождении и в получении отеческаго достояния чудимся. Дивно ея рождение предзнаменованием царства; преславно на престол восшествие покровенным свыше мужеством; благоговейныя радости исполнено приятие отеческаго венца с чудными победами от руки Господни. Хотя бы еще кому сомнительно было, от Бога ли на земле обладатели поставляются или из случая державы достигают, однако единым рождением великия государыни нашел увериться о том должно, видя, что она уже тогда избрана была владычествовать над нами. Не астрологическия сомнительныя гадания, от положения планет произведенныя, ниже другия по течению природы бывающие перемены и явления, но ясные признаки Божия Провидения послужат сему в доказательство. Преславная над неприятелями Петровыми под Полтавою победа с рождением сея великия дщери его в един год приключилась и въезжающаго в Москву с торжеством победителя приходящая в мир встретила Елисавета². Не перстом ли здесь указующим является Промысл? Не слышим ли мысленным ухом вещающаго гласа? Видите, видите исполнение обетованнаго вам предзнаменованьями благоденства. Петр торжествовал, победив внешних неприятелей и своих искоренив изменников; Елисавета для подобных родилась триумфов. Петр, возвратив законному государю корону³, в отеческий град шествовал; Елисавета в общество человеческое вступила для возвращения себе потом отеческой короны. Петр,

сохранив Россию от расхищения, вместо мрачного страха принес безопасную и пресветлую радость; Елисавета увидела свет, дабы пролить на нас сияние отрады, избавив от мрака печалей. Петр вел за собою многочисленных пленников, не меньше великодушием, нежели мужеством побежденных; Елисавета от утробы разрешилась, дабы после пленить сердца подданных человеколюбием, кротостию, щедротою. Сколь чудныя Божия судьбы видим, слушатели: с рождением победу, с облегчением родительницы — избавление Отечества, с обыкновенными при рождении обрядами — чрезвычайное торжественное вшествие, с пеленными — победительныя лавры и с первым младенческим гласом — всерадостные плески и восклицания! Не всеми ли сими рожденной тогда Елисавете предвозвещены отеческия добродетели, предвозвещено отеческое царство?

В доступлении онаго сколь много Всемогущий Промысл споспешествовал ея геройству, о том радостныя воспоминания во веки не умолкнут, ибо Его силою и духом подвигшись, героиня наша всероссийскому государству, достодолжной его славе, великим делам и намерениям Петровым, внутреннему сердец наших удовольствию и общему блаженству знатной части света принесла спасение и обновление. Велико дело есть избавление единого человека, то сколь несравненно больше спасение целого народа! В тебе, дражайшее Отечество, в тебе видим сего довольные примеры. Междоусобными предков наших враждами, неправдами, грабленями и братоубийствами раздраженный Бог поработил тебя некогда чужому языку и на пораженное глубокими язвами твое тело наложил тяжкия вериги! Потом, стенанием твоим и воплем преклоненный, послал тебе храбрых государей, освободителей от порабощения и томления, которые, соединив твои раздробленные члены, возвратили тебе и умножили прежнюю силу, величество и славу. Не меньшого падения избавила российский народ предводимая Богом на отеческий престол Великая Елисавета, но большего удивления достойным образом. Внутренния болезни бывают бедственнее наружных; так и в недрах государства воспитанная опасность вредительнее внешних нападений. Удобнее наружныя язвы исцеляются, нежели внутренния повреждения. Но, сличив исцеление России от поражения, варварским оружием извне нанесеннаго, с удивительным скрывающагося внутри вреда врачеванием Елисаветиною рукою произведенным, противное находим. Тогда для исцеления ран наружных обагрены были поля и реки не меньше российской, нежели агарянскою кровию⁴. В благословенные дни наши великодушная Елисавета вкоренившийся вред внутри России без

всех наших томлений истребила в краткое время и болезнующее Отечество яко бы единым, божественною силою исполненным словом исцелила, сказав: «Восстани и ходи, восстани и ходи, Россия. Оттряси свои сомнения и страхи и, радости и надежды исполненна, красуйся, ликуй, возвышайся».

Таковыя изображения в мыслях представляет нам, слушатели, воспоминание тогдашней радости! Но оныя усугубляются, когда помыслим, что мы не токмо от утеснения, но и от презрения тогда освободились. Что прежде избавления нашего народа о нас рассуждали? Не отзываются ли еще их речи в памяти нашей? Россияне, россияне, Петра Великаго забыли! За его труды и заслуги не воздают должнаго благодарения, не возводят дщерь его на престол отеческий. Она оставлена — не помогают; Она отринута — не возвращают; она пренебрегаема — не отмщают. О, коль велик стыд и посмеяние! Но несравненная героиня восшествием своим отняла поношение от сынов российских и перед всем светом оправдала, что не нашего усердия не доставало, но сносило ее великодушие; не наша ревность оскудевала, но она не хотела пролития крови; не нашему малодушию оное приписывать должно, но Божескому Промыслу, которой благоволил показать тем Свою власть, ее мужество и нашу радость усугубить. Таковыя благодеяния устроил на Всевышний вступлением на отеческий престол Великия Елисаветы! Что ж нынешний праздник? Верх и венец преждереченных. Венчал Господь ее чудное рождение, венчал преславное восшествие, венчал бесприкладныя добродетели, венчал благодатию, ободрил благонадежною радостью и благословил громкими победами, победами восшествию ее подобными, ибо, как внутренние враги побеждены без пролития крови, так и внешние с малым уроном преодолены были.

Облачается монархиня наша в порфиру, помазуется на царство, венчается, приемлет Скипетр и Державу. Радуются россияне и плесками, и восклицаниями воздух наполняют; ужасаются супостаты и бледнеют, уклоняются, дают хребет российскому войску, укрываются за реки, за горы, за болота, но везде утесняет их сильная рука венчанная Елисаветы: от единого ее великодушия ослабу получают. Сколь ясныя предзнаменования благословеннаго ее владения во всем вышереченном видим и вождеденному сбытию их с радостью чудимся! По примеру великаго своего родителя дает государям короны, успокоевает мирным оружием Европу, утверждает российское наследство; истекает золото и серебро из недр земных к ея и к общему удовольствию, избавляются подданные от тягостей; земля не обагрывается

российскою кровию ни внутри, ни вне государства; умножается народ, и доходы прирастают; возвышаются великолепныя здания; исправляются суды; насаждаются науки среди государства — повсюду возлюбленная тишина и монархине нашей подобное время господствует.

Итак, когда несравненная государыня наша предзнаменованное в рождении, полученное мужеством, утвержденное победоносным венчанием и украшенное преславными делами отеческое царство возвысила, то по справедливости всех дел и похвал его истинная наследница⁵. Следовательно, похваляя Петра, похвалим Елисавету.

Давно долженствовали науки представить славу его ясными изображениями; давно желали в нарочном торжественном собрании превознести несравненные дела своего основателя. Но ведая, сколь великое искусство требуется к сложению слова, их достойнаго, поныне умолчали, ибо о сем герое должно предлагать, чего о других еще не слыхано. Нет в делах ему равнаго, нет равных примеров в красноречии, которым бы мысль, последуя, могла безопасно пуститься в толикую глубину их множества и величества. Однако, наконец, рассудилось лучше в красноречии, нежели в благодарности, показать недостаток, лучше с произносимыми от усердной простоты разговорами соединить искренностию украшенное слово, нежели молчать между толикими празднественными восклицаниями, наипаче, когда Всевышний Господь всех торжеств наших красоту усугубил, послав во младом государе Великом князе Павле Петровиче всевожденный залог, снося к нам Божественная милость, которую в продолжении Петрова племени почитаем⁶. Итак, оставив боязливое сомнение и уступив ревностной смелости место, сколько есть духа и голоса должно употребить или паче истощить на похвалу нашего героя. Сие предпринимая, откуда начну мое слово? От телесных ли его дарований? От крепости ли сил? Но оныя явствуют в преодолении трудов тяжких, трудов неисчетных и в разрушении ужасных препятствий. От геройскаго ли виду и возраста, с величественною красотою соединеннаго? Но кроме многих, которые начертанное в памяти его изображение живо представляют, удостоверяют разныя государства и города, которые, славою его движимы, во сретение стекались и делам его соответствующему и великим монархам приличному взору чудились. От бодрости ли духа приму начало? Но доказывает его неусыпное бдение, без котораго не возможно было произвести дел столь многих и великих. Того ради не посредственно приступаю к их предложению, ведая, что удобнее принять начало, не-

жели конца достигнуть, и что великий сей муж ни от кого лучше похвален быть не может, кроме того, кто подробно и верно труды его исчислит, есть ли бы только исчислить возможно было.

Итак, сколько сила, сколько краткость определенного времени позволит, важнейшия токмо дела его упомянем, потом преодоленные в них сильныя препятствия, наконец, его добродетели, в таковых предприятиях споспешествовавшия.

К великим своим намерениям премудрый монарх предусмотрел за необходимо нужное дело, чтобы всякаго рода знания распространить в Отечестве и людей, искусных в высоких науках, также художников и ремесленников размножить, о чем его отеческое попечение хотя прежде сего мною предложено, однако ежели оное описать обстоятельно, то целое мое слово еще к тому не достанет, ибо, не однократно облетая наподобие орла быстропарящаго европейския государства, отчасти повелением, отчасти важным своим примером побудил великое множество своих подданных оставить на время Отечество и искусством увериться, коль великая происходит польза человеку и целому государству от любопытнаго путешествия по чужим краям. Тогда отворились широкия врата великия России, тогда через границы и пристани, на подобие прилива и отлива, в пространном океане бывающаго, то выезжающие для приобретения знаний в разных науках и художествах сыны российские, то приходящие с разными искусствами, с книгами, с инструментами иностранные безпрестанным текли движением. Тогда математическому и физическому учению, прежде в чародейство и волхвование вмененному, уже одеянному порфирую, увенчанному лаврами и на монаршеском престоле посажденному, благоговейное почитание в освященной Петровой особе приносилось. Таковым сиянием величества окруженныя науки и художества всякаго рода какую принесли нам пользу, доказывает избыточествующее изобилие многоразличных наших удовольствий, которых прежде великаго России просветителя предки наши не токмо лишались, но о многих и понятия не имели. Сколь многия нужныя вещи, которыя прежде из дальних земель с трудом и за великую цену в Россию приходили, ныне внутри государства производятся и не токмо нас довольствуют, но избытком своим и другия земли снабдевают. Похвалялись некогда окрестныя соседи наши, что Россия, государство великое, государство сильное, ни военного дела, ни купечества без их спомоществования надлежащим образом производить не может, не имея в недрах своих не токмо драгих металлов для монетнаго тиснения, но и нуж-

нейшаго железа к приуготовлению оружия, с чем бы стать против неприятеля. Изчезло сие нареkanie от просвещения Петрова: отвороты внутренности гор сильною и трудолюбивою его рукою. Проливаются из них металлы и не токмо внутрь Отечества обильно распростираются, но и обратным образом, яко бы заемные, внешним народом отдаются. Обращает мужественное российское воинство против неприятеля оружие, приуготованное из гор российских российскими руками.

О сем для защищения Отечества, для безопасности подданных и для беспрепятственного произведения внутри государства важных предприятий, о сем нужном учреждении порядочнаго войска сколь великое имел великий монарх попечение, сколь стремительное рвение, сколь рачительное всех способов, всех путей изыскание, тому всему когда надивиться довольно не можем, возможем ли изобразить оное словом? Родитель премудраго нашего героя, блаженныя памяти великий государь царь Алексей Михайлович ⁷ между многими преславными делами положил начало регулярнаго войска, котораго спомоществованием сколько на войне имел успеху, свидетельствуют счастливые его походы в Польшу и приобретенныя обратно к России провинции. Но все его о военном деле попечение с жизнью пресеклось. Возвратились старинные беспорядки, и российское воинство больше в многолюдстве, нежели в искусстве показать могло свою силу, которая сколько потом ослабела, явствует из бывших тогда против турок и татар бесполезных военных предприятий, а более всего из необузданных и пагубных стрелецких возмущений, от неимения порядочной расправы и расположения произшедших. В таковых обстоятельствах кто мог помыслить, что бы двенатцати лет отрок, отлученный от правления государством и только под премудрым покровительством чадолюбивыя своя родительницы от злобы защищаемый, между беспрестанными страхами, между копьями, между мечами, на его родственников и доброжелателей и на него самого обнаженными, начал учреждать новое регулярное войско, котораго могущество в скором после времени почувствовали неприятели, почувствовали и вострепетали, и которому ныне вся вселенная по справедливости удивляется. Кто мог помыслить, что бы от детской, как казалось, игры столь важное, столь великое могло возрасти дело? Иные, видя несколько молодых людей, со младым государем обращающих разным образом легкое оружие, рассуждали, что сие одна ему только была забава, и потому сии новонабранные люди потешными назывались. Некоторые, имея большую прозорливость и приметив на юношеском лице цветущую геройскую бод-

рость, из очей сияющее остроумие и в движениях сановитую поворотливость, размышляли, сколь храброго героя, сколь великого монарха могла уже тогда ожидать Россия! Но набрать многие и великие полки, пехотные и конные, удовлетворить всех одеждою, жалованьем, оружием и прочим военным снарядам, обучить новому артикулу, завести по правилам артиллерию, полевую и осадную, к чему немалое знание геометрии, механики и химии требуется, и паче всего иметь во всем искусных начальников казалось, по справедливости, невозможное дело, ибо во всех сих потребностях знатный недостаток и лишение государевой власти отняли последнюю к тому надежду и малейшую вероятность. Однако что потом последовало? Паче общенародного чаяния, противу невероятия оставивших надежду и свыше препинательных происков и явительного роптания самой зависти загремели внезапно новые полки Петровы и в верных россиянах радостную надежду, в противных страх, в обоих удивление возбуждали. Невозможное учинилось возможно чрезвычайным рачением, а паче всего неслыханным примером. Взвизывая некогда Сенат римский на Траяна Цесаря⁸, стоящаго пред консулом для принятия от него консульскаго достоинства, возгласил: «Тем ты более, тем ты величественнее!» Какая восклицания, какая плески Петру Великому быть должныствовали для его бесприкладнаго снисхождения? Видели, видели отцы наши венчаннаго своего государя не в числе кандидатов римскаго консульства, но меж рядовыми солдатами, не власти над Римом требующаго, но подданных своих мановения наблюдающаго. О, вы, места прекрасны, места благополучны, который столь чудным зрением насладились! О, как вы удивлялись дружественному неприятельству полков единаго государя, начальствующаго и подчиненнаго, повелевающаго и повинующагося. О, как вы удивлялись осаде, защищению и взятию домашних новых крепостей не для настоящаго корысти, но ради будущаго славы, не для усмирения сопротивных, но ради ободрения единоплеменных учиненному. Мы ныне, озираясь на оныя минувшия летá, представляем, сколь великою любовью, сколь горячею ревностию к государю воспалилось начинающееся войско, видя его в своем сообществе, за одним столом, туюже приемлющаго пищу, видя лице его, пылью и потом покрытое, видя, что от них ничем не разнится, кроме того, в обучении и в трудах всех прилежнее, всех превосходнее. Таковым чрезвычайным примером премудрый государь, происходя по чинам с подданными, доказал, что монархи ничем так величества, славы и высоты своего достоинства прирастить не могут, как подобным сему снисхождением. Таковым поощре-

нием укрепилось российское воинство, и в двадцатилетнюю войну с короною Шведскою⁹ и потом, в другие походы, наполнило громом оружия и победоносными звуками концы вселенныя. Правда, что первое под Нарвою сражение было неудачливо¹⁰, но противных преимущество и российского воинства уступление к их прославлению и к нашему унижению больше от зависти и гордости увеличены, нежели каковы были самую вещь, ибо, хотя российское войско было по большей части двулетнее против старого и к сражениям приобывшаго, хотя несогласие учинилось между нашими полководцами и злохитрый переметчик открыл неприятелю все обстоятельства нашего стана и хотя Карл вторыйнадесять скоропостижным нашествием не дал времени россиянам построиться, однако они и по отступлении отняли у неприятеля смелость продолжать бой и докончить победу, так что оставшаяся в целости Российская лейб-гвардия и немало протчаго войска за тем только напасть на неприятеля не отважились, что не имели главных предводителей, которых он, призвав для мирнаго договора, удержал как своих пленников. Того ради гвардия и прочее войско с оружием, с военною казною, распустив знамена и ударив в барабаны, в Россию возвратились. Что сия неудача больше для показанных несчастливых обстоятельств, нежели для неискusstва войск российских приключилась и что Петрово новое войско уже в младенчестве своем могло побеждать привыкшие полки противных, доказали в следующее лето и потом многия одержанныя над ними преславныя победы.

Я к вам обращаю мое слово, ныне мирные соседи, когда вы сии похвалы военных дел нашего героя, когда вы превозносимыя мною победы российского воинства над вами услышите, не в поношение, но больше в честь вашу припишете, ибо стоять долгое время против сильнаго российского народа, стоять против Петра Великаго, против мужа, посланнаго от Бога на удивление вселенной, и, наконец, быть от него побежденным — есть славнее, нежели победить слабые полки под худым предводительством. Почитайте по справедливости истинною своею славою храбрость героя вашего Карла и по согласию всего света утверждайте, что едва бы кто возмог устоять пред лицом его гнева, когда бы чудною Божескою судьбою не был в Отечестве нашем против его воздвигнут Петр Великий. Его храбрые и введенным регулярством устроенные полки воспоследовавшими в скором времени победами доказали, сколь горяча их ревность, каково в военном деле искусство, приобретенное от премудраго наставления и примера. Оставляя многочисленныя победы, ко-

торыя российское воинство сражениями числить приобыкло, не упоминая великаго множества взятых городов и твердых крепостей, имеем довольное свидетельство в двух главных победах, под Лесным и под Полтавою. Где более удивил Господь своею нас милостью? Где явственнее открылось, сколь сильные имело успехи в заведении новага войска благословенное начинание и ревностное рачение Петрово? Что сего чуднее, что невероятнее могло воспоследовать? Войско, к регулярству давно приобыкшее, из областей неприятельских дерзостию к бою славных приведенное, под предводительством начальников, в воинском упражнении все время положивших, войско, всякими снарядами преизобильно снабденное, уклоняется от сражения с новыми российскими полками, числом много меньшими. Но оне, не дая сопротивным отдохновения, быстрым течением постигли, сразились, победили, и главный их предводитель с малыми остатками едва пленения избыл, что бы принести своему государю плачевныя вести, которыми хотя он сильно возмутился, однако мужественным и стремительным духом бодрствуя, еще поощрялся против России, еще не мог увериться, чтобы малолетнее войско Петрово могло устоять против его возмужавшей силы, наступающей под его самого предводительством и, надеясь на дерзостныя обнадеживания бессовестнаго России изменника, не усомнелся вступить в украинские пределы нашего Отечества. Обращал высокомерными размышлениями Россию и весь Север чаял уже быть под ногою своею. Но Бог в награждение трудов неусыпных воздал Петру совершенною победою над сим презрителем его рачений, которой противу своего чаяния не токмо очевидным был свидетелем не вероятных героя нашего в военном деле успехов, но и бегством своим не мог избежать мечтателься в мыслях стройной храбрости российской.

Столь знатными победами прославив с собою великий монарх во всем свете свое воинство, наконец, доказал, что он сие больше для нашей безопасности учредить старался, ибо не токмо узаконил, чтобы оное никогда не распускать, ниже во время безмятежнаго мира, как то при бывших прежде государях не редко к немалому упадку могущества и славы Отечества происходило, но и содержать всегда в исправной готовности. О, истинное отеческое попечение! Многократно напоминал он своим ближним верным подданным, иногда со слезами прося и целуя, чтобы столь великим трудом и столь чудным успехом предприятое обновление России, а паче военное искусство не было после него в нерадении оставлено. И в самое то вералестное время, когда благословил Бог Россию славным и полезным миром со Шведскою

короною, когда усердные поздравления и должные ему титулы «императора», «великаго», «отца Отечества»¹¹, приносились, не преминул подтвердить публично Правительствующему Сенату, что, надеясь на мир, не надобно ослабевать в военном деле. Не сим ли назнаменовал ясно, что ему сии высокие титулы не были приятны без наблюдения и содержания впредь навсегда регулярнаго войска?

Обозрев скорым оком на сухом пути силы Петровы, в младенчестве возмужавшия и обучение свое с победами соединившия, прострем чрез воды взор наш, слушатели, посмотрим там дела Господни и чудеса его в глубине, Петром показанныя и свет удивившия.

Пространная российская держава на подобие целаго света едва не отовсюду великими морями окружается и оныя себе в пределы поставляет. На всех видим распущенные российские флаги. Там великих рек устья и новыя пристани едва вмещают судов множество, инде стонут волны под тягостью российского флота, и в глубокой пучине огнедышущие звуки раздаются. Там позлащенные и на подобие весны процветающие корабли, в тихой поверхности вод изображаясь, красоту свою усугубляют, инде, достигнув спокойнаго пристанища, плаватель удаленных стран избытки выгружает к удовольствию нашему. Там новые Колумбы¹² к неведомым берегам поспешают для приращения могущества и славы российской, инде другой Тифис¹³ между сражающимися горами плыть дерзает, со снегом, со мразом, с вечными льдами борется и хочет соединить восток с западом. Откуда толика слава и сила российских флотов по толь многим морям в краткое время распространилась? Откуда материи? Откуда искусство? Откуда махины и орудия, нужныя в столь трудном и многообразном деле? Не древние ли исполины, вырывая из густых лесов и гор превысоких великие дубы, по берегам повергли к строению? Не Амфион¹⁴ ли сладким лирным игранном подвигнул разнovidныя части к сложению чудных крепостей, летающих чрез волны? Таковым бы истинно вымыслам чудная поспешность Петрова в сооружении флота приписалась, есть ли бы такое невероятное и выше сил человеческих быть являющееся дело в отдаленной древности приключилось и не было б в твердой памяти у многих очевидных свидетелей и в писменных без всякаго изъятия достоверных известиях. В сих мы с удивлением читаем, от оных не без сердечнаго движения в дружелюбных разговорах слышим, что нельзя определить, сухопутное ли или морское войско учреждая, больше труда положил Петр Великий. Однако о том нет сомнения, что в обоих был неутомим, в

обоих превосходит, ибо, как для знания всего, что ни случается в сражениях на сухом пути, не токмо прошел все чины, но и все мастерства и работы испытал собственным искусством, дабы ни над кем не просмотреть упущения должности и ни от кого излишества свыше сил не потребовать. Подобным образом и во флоте не учинив опыта ничего не оставил, в чем бы только его проницательныя мысли или трудолюбивыя руки могли упраздниться. С того самага времени, когда онаго вещью малаго ботика, но действием и славою великаго, изобретение побудило неусыпный дух Петров к полезному рачению основать флот и на морской глубине показать российское могущество, устремил и распростер великаго разума своего силы во все важнаго сего предприятия части, которая рассматривая уверился, что в толь трудном деле успехов иметь невозможно, ежели он сам довольнаго в нем знания не получит. Но где оно постигнуть? Что великий государь предприимлет? Чудилось прежде бесчисленное народа множество, стекшееся видеть восхищающее позорище на полях московских, когда наш герой, едва выступив из лет младенческих, в присутствии всего царскаго дома, при знатных чинах российскаго государства и при знатном собрании дворянства, то радующихся, то повреждения здравью его боящихся, трудился, размеривая регулярную крепость, как мастер, копая рвы и взвезя землю на раскаты, как рядовой салдат, всем повелевая, как государь, всем дая пример, как премудрый учитель и просветитель. Но вящшее возбудил удивление, вящшее показал позорище пред очами всего света, когда сначала на малых водах московских, потом на большей ширине озер Ростовскаго и Кубинскаго, наконец, в пространстве Белаго моря уверясь о несказанной пользе мореплавания, отлучился на время из своего государства и, сокрыв величество своея особы, между простыми работниками в чужой земле корабельному делу обучаться не погнушался. Удивлялись сперва чудному делу прилучившиеся с ним купно в обучении, как россиянин столь скоро не токмо простой плотнической работе научился, не токмо ни единой части к строению и сооружению кораблей нужной не оставил, которой бы своими руками не умел сделать, но и в морской архитектуре толикое приобрел искусство, что Голландия не могла уже удовольствоваться его глубокаго понятия. Потом коль великое удивление во всех возбудилось, когда уведали, что не простой то был россиянин, но сам столь великаго государства обладатель к тягостным трудам простер рожденныя и помазанныя для ношения скиптра и державы руки. Но только ли было что для одного любопытства или, по крайней мере, для указания и повелительства

в Голландии и в Британии достиг совершенной теории и практики к сооружению флота и в мореплавательной науке? Везде великий Государь не токмо повелением и награждением, но и собственным примером побуждал к трудам подданных! Я вами свидетельствуюсь, великия российския реки, я к вам обращаюсь, счастливые берега, освященные Петровыми стопами и потом его орошенные. Сколь часто раздавались на вас бодрые и ревностные клики, когда тяжкие, к составлению корабля приуроченные члены, нередко тихо от работающих движимые, наложением руки его к скорому течению устремлялись, и оживленное примером его множество с невероятною поспешностию совершали великия громады. Коль чудным и ревностному сердцу чувствительным зрением наслаждались стекшиеся народы, когда оныя великия здания к сошествию на воду приближались! Когда неусыпный их основатель и строитель, многократно то наверху оных, то под ними обращаясь, то кругом обходя, примечал твердость каждой части, силу махин, всех предосторожностей точность и усмотренные недостатки исправлял повелением, ободрением, догадкою и неутомимых рук своих поспешным искусством. Сим неусыпным рачением, сим непобедимым в труде постоянством баснословная древних поспешность не вымыслами, но правдою во дни Петровы показалаась!

Коль радостны были великому государю толикие в морском деле успехи, к несказанной пользе и славе государства рачением его произведенные, легко из того усмотреть можно, что не токмо воздаянием удовольствовал спотрудившихся с собою, но и бесчувственному дереву показал преславный знак благодарности. Покрываются невские струи судами и флагами, не вмещают берега великаго множества стекшихся зрителей, колеблется воздух и стонет от народного восклицания, от шума весел, от трубных гласов, от звука огнедышущих махин. Какое счастье, какую радость нам небо посылает? Кому на сретение монарх наш с таковым великолепием выходит? Ветхому ботику, но в новом и сильном первенствующему флоте. Представив сего величество, красоту, могущество и славныя действия и купно онаго малость и худость, видим, что сего никому в свете произвести не было возможно, кроме исполинской смелости в предприятии и неутомимой в совершении бодрости Петровой.

Превосходен на земле, несравнен на водах силою и славою военною был великий наш защитник!

От краткаго сего и часть некоторую трудов его содержащаго исчисления уже чувствую утомление, слушатели, но великое и пространное похвал его вижу поле пред собою! Итак, дабы к со-

вершению течения слова моего силы и определенного времени достало, употребляю возможную поспешность.

К основанию и произведению в действо столь великой морской и сухопутной силы, сверх сего к строению новых городов, крепостей, пристаней, к сообщению рек великими каналами, к укреплению пограничных линий валами, к долговременной войне, к столь частым и дальним походам, к строению публичных и частных зданий новою архитектурою, к сысканию искусных людей и всех других способов для распространения наук и художеств, на содержание новых чинов придворных и штатских сколь великая казна требовалась, — всякому ясно представить можно и рассудить, что к тому не могли достать доходы Петровых предков. Того ради премудрый государь крайнее приложил старание, как бы внутренние и внешние государственные сборы умножить без народного разорения, и по врожденному своему просвещению усмотрел, что не токмо казне великая прибыль воспоследует, но и общее подданных спокойство и безопасность единым учреждением утвердится, ибо, когда еще не было число всего российского народа и каждого человека жилище известно, своеволие не пресечено, каждому, куда хочет, преселиться и странствовать по своему произволению не запрещалось, наполнены были улицы бесстыдною и шатающеюся нищетою, дороги и великия реки не редко запирались злодейством воров и целыми полками душегубных разбойников, от которых не токмо села, но и города разорялись. Превратил премудрый герой вред в пользу, леность в прилежание, разорителей в защитников, когда исчислил подданных множество, утвердил каждого на своем жилище, наложил легкую, но известную подать, чрез что умножилось и учинилось известное количество казенных внутренних доходов и число людей в наборах, умножилось прилежание и строгое военное учение. Многих, которые бы в прежних обстоятельствах остались вредными грабителями, принудил готовыми быть к смерти за Отечество.

Сколько другия к сему служащия премудрыя учреждения спомоществовали, о том умолчеваю; упомяну о приращении внешних доходов. Всевышняго Промысл споспешествовал добрым намерениям и рачениям Петровым: отворил рукою его новыя пристани на Варяжском море¹⁵ при городах, храбростию его покоренных и собственным трудом воздвигнутых. Совокуплены великия реки для удобнейшаго проходу российского купечества, сочинены пошлинные уставы, утверждены купеческие договоры с разными народами. Итак, прирастая внутрь и вне, довольство сколько спомоществовало, явствует из самага начала

сих учреждений, ибо, продолжая двадцать лет трудную войну, Россия от долгов была свободна.

Что ж, уже ли все великия дела Петровы изображены слабым моим начертанием? О, сколь много еще размышлению, голосу и языку моему труда остается! Я вам, слушатели, я вашему знанию препоручаю, сколь много требовало неусыпности основание и установление правосудия, учреждение Правительствующаго Сената, Святейшаго Синода, государственных коллегий, канцелярий и других мест присудственных с узаконениями, регламентами, уставами, расположение чинов, заведение внешних признаков для оказания заслуг и милости, наконец, политика, посольства и союзы с чужими державами. Вы все сие сами в просвещенных Петром умах ваших представьте. Мне только остается предложить едино краткое всего изображение. Когда бы прежде начала Петровых предприятий приключилось кому отлучиться из российского Отечества в отдаленныя земли, где бы его имя не загремело, буде такая земля есть на свете, потом бы, возвратясь в Россию, увидел новыя в людях знания и искусства, новое платье и обходительства, новую архитектуру с домашними украшениями, новое строение крепостей, новой флот и войско; всех сих не токмо иной образ, но и течение рек и морских пределов усмотрел перемену, чтоб тогда помыслил? Не мог бы рассудить иначе, как что он был в странствовании многие веки, либо все то учинено в толь краткое время общими силами человеческого рода, или творческою Всевышняго рукою, или, наконец, все мечтается ему в сонном привидении.

Из сего моего, почти тень едину Петровых славных дел показующаго слова видеть можно, сколь они велики! Но что сказать о страшных и опасных препятствиях, бывших на пути исполинскаго его течения? Больше похвалу его возвысили! Подвержено таковым переменам состояние человеческое, что из благополучных противныя, из противных благополучныя следствия рождаются. Что приращению нашего благополучия могло быть сего противнее, когда Россию обновляющему Петру и купно Отечеству извне нападения, изнутри огорчения, отовсюду опасности грозили и пагубныя следствия приуготовлялись? Война дела домашняя, домашняя дела войну отягощали, которая еще прежде начала своего начала быть вредительна. Подвигнулся великий государь из отечества с великим посольством видеть европейския государства, познать их преимущества, дабы, возвратясь, употребить их в пользу своих подданных. Только лишь прешел владения своего пределы, везде ощутил великия и тайно поставленныя препоны. Однако оных как по всему свету извещенных

ныне не упоминаю. Мне кажется, и бездушные вещи чувствовали опасность, приближающуюся к российской надежде, чувствовали струи Двинския и будущему своему повелителю между густым льдом к спасению от устроенных коварств стезю открыли и преодоленныя им опасности Балтийским берегам, разливаясь, возвестили. Избыв от опасности, поспешал в радостном пути своем, довольствуя очи и сердце и обогащая разум. Но ах! Не волею пресекает свое преславное течение. Какую имел сам с собою распрю! С одной стороны, влечет любопытство и знание, Отечеству нужное, с другой стороны, само бедствующее отечество, которое к нему, к единому своему упованию простерши руки, восклицало: «Возвратися, поспешно возвратися: меня терзают внутрь изменники! Ты странствуешь для моего блаженства, со благодарением признаваю, но прежде укроти свирепых. Ты растался со своим домом, со своими кровными для приращенія моей славы — с усердием почитаю, но успокой опасное нестроение; оставил данный тебе от Бога венец и скипетр и простым видом скрываешь лучи своего величества для моего просвещения — с радостною надеждою того желаю, но отврати мрачную грозу беспокойства с домашняго горизонта». Такими движениями сердца проникаясь, возвратился для утоления страшныя бури! Таковыя противности воспящали герою нашему в славных подвигах! Сколь многими отвсюду окружен был неприятелями! Извне воевала Швеция, Польша, Крым, Персия, многие восточные народы, Оттоманская Порта, изнутри — стрельцы, раскольники, казаки, разбойники. В доме от самых ближних, от своей крови злодейства, ненависть, предательства на дражайшую жизнь его приуготовлялись. Что все подробно описать трудно и слушать не безболезненно! К радости в радостное время обратимся. Помог Всевышний Петру преодолеть все тяжкия препятствия и Россию возвысить. Споспешествовал его благочестию, премудрости, великодушию, мужеству, правде, снисходительству, трудолюбию. Усердие и вера в Бога во всех Его предприятиях известна: первое его веселие был дом Господень; не слушатель токмо предстоял божественной службе, но сам чиновачальник. Умножал внимание и благоговение предстоящих своим монаршеским гласом и вне государскаго места с простыми певцами на ряду стоял перед Богом. Много имеем примеров его благочестия, но один ныне довлеет. Выезжая в сретение телу святого и храбраго князя Александра¹⁶, благоговения исполненным действием подвигнул весь град, подвигнул струи Невския. Чудное видение! Гребут кавалеры, сам монарх на корме управляет и к простым людей труду пред всем народом

помазанные руки простирает веры ради. Ею укрепляясь, избыл многократного стремления кровожаждущих изменников. Осенил Господь над главою его силою свыше в день Полтавския брани и не допустил к ней прикоснуться смертоносному металлу! Рассыпал перед ним, как некогда Ерихонскую, нарвскую стену, не во время ударов из огнедышущих махин, но во время божественной службы.

Освященного и огражденного благочестием одарил Бог несравненною премудростию. Какая важность в рассуждениях, беспритворная в словах краткость, в изображениях точность, в произношении сановитость, жадность к познанию, прилежное внимание благоразумных и полезных разговоров, в очах и на всем лице разума постоянство. Чрез сии Петровы дарования приняла новый вид Россия, основаны науки и художества, учреждены посольства и союзы, отвращены хитрые умыслы некоторых держав против нашего Отечества, и государям — иному сохранено королевство и самодержавство, иному возвращена отнятая неприятельми корона. Изо всего предреченного довольно явствующей, свыше влиянной ему премудрости споспешествовало его геройское мужество: оною удивил вселенную, сим утратил противных. В самом своем нежном младенчестве показал при военных обучениях бесстрашие. Когда все смотрители новага дела — метания бомб на означенное место — весьма опасались повреждения, младый государь в близости смотреть всеми силами порывался и слезами своєю родительницы, прошением братним и знатных персон молением едва был одержан. Странствуя в чужих государствах для учения, сколь многия презирал опасности для обновления России. Плавание по непостоянной морской пучине служило ему вместо увеселения. Сколь много крат морския волны, возвышая гордые верхи свои, непревратной смелости были свидетели, быстро текущим флотом рассекаемы, в корабли ударяли и с ярим пламенем и ревушим по воздуху металлом в едину опасность совокуплялись — его не утратили! Кто без ужаса представить может летящаго по полям Полтавским в устроенном к бою своем войске Петра между градом пуль неприятельских, около главы его шумящих, возвышающаго сквозь звуки глас свой и полки к смелому сражению ободряющаго. И ты, знойная Персия, ни быстрыми реками, ни топучими болотами, ни стремнинами гор превысоких, ни ядовитыми источниками, ни раскаленными песками, ни внезапными набегами непостоянных народов не могла препятить нашествию нашего героя, не могла удержать торжественнаго въезда в наполненные потаенным оружием и лукавством города.

Больше примеров о геройском нго духе для краткости не предлагаю, слушатели, не упоминаю многих сражений и побед, в его присутствие и его предводительством бывших, но представляю его великодушие, великим героям сродное, которое украшает победы и больше движет сердца человеческия, нежели храбрые поступки. В победах имеет участие храбрость воинов, споможение союзников, мёста и времени удобность и больше всего присвоает себе счастье, как бы некоторое собственное свое достояние. Великодушию победителю все принадлежит единому. Славнейшую получает победу кто себя побеждает. Не имеют в ней ни воины, ни союзники, ни время, ни место, ни само господствующее делами человеческими счастье ни малейшага жребия. Правда, победителям разум удивляется, но великодушных любит сердце наше. Таков был Великий наш защитник. Отлагал гнев свой купно со оружием и не токмо из неприятелей никто живота лишен не был, как только против его ополченный, но и бесприкладная честь им показана. Скажите, шведские военачальники, под Полтавою плененные, что вы тогда помышляли, когда, ожидая связания, препоясаны были поднятыми против нас мечами своими; ожидая посаждения в темницы, посаждены были за столом Победительским; ожидая посмеяния, поздравлены были нашими учителями? Сколь великодушнаго победителя вы имели!

Великодушию сродно и часто сопряженно есть правосудие. Первое звание поставленных от Бога на земли обладателей есть управлять миром в преподобии и правде, награждать заслуги, наказывать преступления. Хотя военныя дела и великия другия упражнения, а особливо прекращение веку много препятствовали великому государю установить во всем непременные и ясные законы, однако, сколько на то трудов его положено несомненно удостоверяют многие указы, уставы и регламенты, которых составление многочисленные для отдохновения, многочисленные ночи сна его лишили. Докончить и принести к совершенству судил Бог подобной таковому родителю дщери в безмятежное и благословенное ея владение.

Но хотя ясными и порядочными законами не утверждено было до совершенства, однако в сердце его написано было правосудие. Хотя не все в книгах содержалось, но делом совершалось. При всем том милость на суде хвалилась в самых тех случаях, когда многим его делам препятствующия злодеяния к строгости принуждали. Из многих примеров один докажет. Простив многих знатных особ за тяжкия преступления, объявил свою сердечную радость приятном их столу своему и пушечною пальбою.

Не отягощает его казнь стрелецкая. Представьте себе и помыслите, что ему ревность к правде, что сожаление о подданных, что своя опасность в сердце говорила: «Пролита неповинная кровь по домам и по улицам Московским, плачут вдовы, рыдают сироты, воют насилуованные жены и девицы, сродники мои в доме моем пред очами моими живота лишились и острое оружие было к сердцу моему приставлено. Я Богом сохранен, сносил, уклонялся, я вне града странствовал. Ныне полезное мое путешествие пресекли, вооружась явно против Отечества. За все сие ежели не отмщу и конечной пагубы не пресеку казнию, уже вижу наперед площади наполнены трупов, расхищаемые дома, разрушаемы храмы, Москву, со всех сторон объемлему пламенем, и любезное Отечество повержено в дым и в пепел. Все сим пагубы, слезы, кровь на мне Бог взыщет». Такого конечного правосудия наблюдение принудило его к строгости.

Ничем не могу я больше доказать его милостиваго и кроткаго сердца, как бесприкладным снисхождением к его подданным. Превосходен дарованиями, возвышен величеством, возвеличен преславными делами, но все сие больше бечприкладным снисхождением умножил, украсил. Часто меж подданными своими просто обращался, не имея великаго и монаршеское при- судствие показующаго великолепия и раболепства. Часто пешему свободно было просто встретиться, следовать, итти вместе, зачать речь, кому потребуется. Многих прежде государей рабы на плечах, на головах своих носили. Его снисхождение превознесло выше самих государей. Во время самага веселия и отдохновения предлагались дела важныя: важность не умаляла веселия, и простота не унижала важности. Как ожидал, принимал и встречал своих верных! Какое увеселение за столом его было! Спрашивает, слушает, отвечает, рассуждает как с друзьями; и сколько время стола малым числом пици сокращалось, столько продолжалось снисходительными разговорами. Меж столь многими государственными попечениями жил, как с приятельми, в прохладении. В сколь малыя хижины художников вмещал свое величество и самых низких, но искусных и верных рабов ободрял своим посещением. Сколь часто с ними упражнялся в художествах и в трудах разных, ибо он привлекал к тому больше примером, нежели принуждал силою. И ежели что тогда казалось принуждением, ныне явилось благодеянием. За отдохновение почитал себе трудов своих перемену. Не токмо день или утро, но и солнце на восходе освещало его на многих местах за разными трудами. Государственныя, правительствующия и судебныя места, им учрежденныя, в его присудствии дела верши-

ли. Различныя художества не токмо его присмотром, но и рук его вспоможением к приращению поспешали; публичныя строе-ния, корабли, пристани, крепости всегда видели и имели его в основании показателя, в труде ободрителя, в совершении награ-дителя. Что ж его путешествия или, лучше, быстропарящая ле-тания? Едва услышало глас повеления его Белое, уже чувствует Балтийское море. Едва путь кораблей его скрылся на водах Азовских, уже шумят уступающия ему Каспийския волны. И вы, великия реки, Южная Двина и Полночная, Днепр, Дон, Волга, Буг, Висла, Одра, Эльба, Дунай, Секвана, Темза, Рейн и прочия, скажите, сколь много крат вы удостоились изображать вид Великаго Петра в струях ваших? Скажите! Я не могу исчис-лить! Мы ныне только с радостным удивлением смотрим, по ка-ким путям он шествовал, под которым дровом имел отдохнове-ние, из котораго источника утолял жажду, где с простыми людьми, как простой работник, трудился, где писал законы, где начертал корабли, пристани, крепости и где, между тем, как приятель, обращался с подданными своими. Как небесныя све-тила течением, как море приливом и отливом, так он попечени-ем и трудами для нас был в непрестанном движении.

Я в поле меж огнем, я в судных заседаниях меж трудными рассуждениями, я в разных художествах между многообразны-ми махинами, я при строении городов, пристаней, каналов, между бесчисленным народа множеством, я меж стенанием ва-лов Белаго, Чернаго, Балтийскаго, Каспийскаго морей и самаго океана духом обращаюсь. Везде Петра Великаго вижу в поте, в пыли, в дыму, в пламени — и не могу сам себя уверить, что один везде Петр, но многие и не краткая жизнь, но лет тысяча. С кем сравню великаго государя? Я вижу в древности и в новых време-нах обладателей, великими названных. И правда, пред другими велики. Однако пред Петром малы. Иной завоевал многия госу-дарства, но свое отечество без призрения оставил. Иной победил неприятеля, уже великим именованнаго, но с обеих сторон про-лил кровь своих граждан ради одного своего честолюбия и вмес-то триумфа слышал плач и рыдание своего Отечества. Иной мно-гими добродетелями украшен, но вместо чтоб воздвигнуть, не мог удержать тягости падающаго государства. Иной был на зем-ле воин, однако боялся моря. Иной на море господствовал, но к земле пристать страшился. Иной любил науки, но боялся обна-женной шпаги. Иной ни железа, ни воды, ни огня не боялся, од-нако разума, человеческого достоинства и наследства не имел. Других не употребляю примеров, кроме Рима. Но и тот недоста-точен. Что в двести пятьдесят лет, от Первой Пунической войны

до Августа¹⁷, Непота¹⁸, Сципиона¹⁹, Маркелла²⁰, Регула²¹, Метелла²², Катона²³, Суллы²⁴ произвели, то Петр сделал в краткое время своей жизни. Кому ж я героя нашего уподоблю? Часто размышлял я, каков тот, который всеильным мановением управляет небом, землю и морем: дохнет дух Его — и потекут воды, прикоснется к горам — и воздымаются. Но мыслям человеческим предел предписан! Божества постигнуть не могут! Обыкновенно представляют его в человеческом виде. И так, ежели человека, Богу подобнаго, по нашему понятию, найти надобно, кроме Петра Великаго не обретаю.

За великия к Отечеству заслуги назван он Отцом Отечества. Однако мал ему титул. Скажите, как его назовем за то, что он родил дочь всемилостивейшую, государыню нашу, которая на отеческой престол мужеством вступила, гордых врагов победила, Европу усмирила, благодеяниями своих подданных снабдила?

Услыши нас, Боже, награди Господи! За великие труды Петровы, за попечение Екатерины, за слезы, за воздыхание, который две сестры, две дочери Петровы, разлучаясь, проливали, за несравненные всех к России благодеяния, награди долголетием и потомством!

А ты, великая душа, сияющая в вечности и героев блистанием помрачающая, красуйся: дочь твоя царствует, внук — наследник. Правнук по желанию нашему родился. Мы тобою возвышены, укреплены, просвещены, украшены. Ею избавлены, ободрены, защищены, обогащены, прославлены. Прими в знак благодарности недостойное сие приношение. Твои заслуги больше, нежели все силы наши!

